

риальные обстоятельства, но и обстоятельства естественной природной среды без участия человека. То есть труд человека, деньги и другие материальные ценности, которые вкладываются для усовершенствования окружающей среды, не являются основополагающими компонентами для создания природного объекта, так как естественная среда является неотделимой частью природы, и эти условия не являются основополагающими при создании природной среды.

Основой объекта рождения и преобразования естественности среды являются природные процессы и сама природа, т. е. земля, в том числе и лес как природный ресурс, недра земли и воздух.

Несмотря на то, что мы указываем на четкое разделение объектов двух видов преступных деяний, в практике зачастую отсутствует четкое понимание различий между объектами имущественного интереса и объектами природной среды, что создает определенные проблемы при определении ущерба, причиненного преступным деянием.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что для установления причиненного ущерба важно проанализировать выявленный объект преступления и дать ему правильную оценку, т. е. понять, что при преступлениях в отношении природной среды принимаются во внимание безопасность естественной среды природы, здоровье человека, личные имущественные и хозяйственные интересы.

Список основных источников

1. Уголовный кодекс Латвийской Республики : 1 апр. 1999 г. : принят 8 июля 1998 г. – Латвийский вестник. – 199/200 (1260/1261).

УДК 343.1

А. А. Трефилов

старший научный сотрудник

*Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук*

МОДЕЛЬ ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

В компаративном отношении можно выделить три модели так называемого ювенального уголовно-процессуального права. В одних государствах правосудие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних определяется исключительно нормами общего УПК (как правило, в самостоятельной главе). В качестве примера можно привести Российскую Федерацию (гл. 50 УПК), а также многие постсоветские страны. Применительно к этой группе говорить о ювенальном уголовно-процессуальном праве можно лишь с некоторой долей условности. В других странах принят специальный нормативно-

правовой акт, как правило, имеющий силу закона. Так, в Германии действует Закон о судах по делам несовершеннолетних (*Jugendgerichtsgesetz*) от 16 февраля 1923 г. (в редакции от 23 августа 2017 г.). Третий подход — в государстве разработан и принят автономный Ювенальный УПК, регулирующий производство по уголовным делам исключительно по делам несовершеннолетних (при этом не исключается применение в отношении них некоторых или даже большинства положений «общего» УПК). Единственным известным нам примером является Швейцария.

Также в компаративном отношении можно выделить 2 модели построения судебной системы в контексте ювенальной юстиции. В одних государствах на уровне закона предусмотрены специальные ювенальные суды и (или) специализация судей (так, во Франции действует суд ассизов для несовершеннолетних), другие (например, Российская Федерация) — пока еще не пришли к этому (вместе с тем нередко в порядке эксперимента предпринимаются попытки создания специальных судебных составов, рассматривающих дела несовершеннолетних).

Первые попытки создания ювенальной юстиции в Швейцарии относятся к началу XX столетия. В основном речь шла о специальных процессуальных нормах, применяемых в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе, а не об учреждении специализированных судебных органов. Тем не менее в 1911–1919 гг. таковые были учреждены в ряде кантонов.

До внесения изменений в Конституцию Швейцарии в 2003 года уголовное судопроизводство, в том числе ювенальное, относилось к исключительной компетенции кантонов. Решение, принятое народом на референдуме, позволило федеральному законодателю приступить к унификации 26 кантональных процессуальных законодательств.

В большинстве кантонов к этому времени уже были предусмотрены различные формы ювенального уголовного судопроизводства, закрепленные в многочисленных УПК, ювенальных УПК, отдельных законах о правосудии по делам несовершеннолетних.

Профессора Кристоф Хуг и Патриция Шлэфли в Базельском комментарии к УПК и Ювенальному УПК Швейцарии пишут, что к моменту принятия Ювенального УПК Швейцарии в этой стране на кантональном уровне существовали две основные модели построения правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: модель ювенального судьи (*Jugendrichter — modell*) и модель ювенального прокурора (*Jugendan-waltsmodell*). Первая отличалась персональным единством (*Personalunion*) судьи, производящего расследование, рассматривающего дело и надзирающего за исполнением приговора. Иначе говоря, все эти функции сосредоточены в руках одного и того же лица (органа власти). С теоретической точки зрения данный подход основан на том, что цели ювенального уголовного судопроизводства могут быть достигнуты и без разделения уголовно-процессуальных функций (напротив, такое разделение только препятствует достижению целей ювенального правосудия). Вторая модель характеризовалась отчетливо разделенными уго-

ловно-процессуальными функциями: следственная и судебная функция возлагались на институционально обособленных участников уголовного судопроизводства (как правило, речь идет о прокуратуре и суде).

Профессор Цюрихского университета Даниэль Джозитш описывает различия данных моделей следующим образом: «В кантональных законодательствах можно с высокой степенью обобщения выделить две модели: модель ювенальных судей и модель ювенальных прокуроров. В обеих моделях так называемый магистрат (Magistratsperson) — соответственно им являются ювенальный прокурор или ювенальный судья — руководит следствием, постановляет приговор, надзирает за исполнением. Различия между моделями проявляются исключительно по делам о тяжких преступлениях, которые подлежат рассмотрению ювенальным судом. В модели ювенального судьи ювенальный судья является членом ювенального суда. Единство рассмотрения (Einheitlichkeit der Behandlung) в данной системе осуществляется в полной мере. В модели ювенального прокурора, напротив, прокурор поддерживает обвинение перед ювенальным судом и таким образом не является частью суда, а следовательно, по серьезным делам персональное единство (Personalunion) разрывается. Конечно, данная практика составляет едва ли 10 % от общего количества дел; в 90 % случаев независимо от избранной модели дело рассматривает один единственный специализированный магистрат».

Иначе говоря, в модели ювенального судьи весь процесс является инквизиционным и даже приближен к Каролине 1532 года; модель ювенального прокурора, напротив, представляет собой типичный смешанный тип уголовного процесса, сходный с тем, который предусматривал Кодекс уголовного следствия 1808 года.

Выбор кантонами моделей отправления правосудия по делам несовершеннолетних:

1. По состоянию на 2011 год, когда вступил в силу единый ювенальный УПК Швейцарии, законодательства всех без исключения немецкоязычных кантонов предусматривали модель прокуратуры.

2. Законодательства франко- и итальяноязычных кантонов (Женева, Фрибур, Юра, Невшатель, Во, Вале, Тичино), напротив, предусматривали модель следственного судьи. Следствие производил специальный следственный судья по делам несовершеннолетних, а рассматривал дело по существу трибунал (суд) по делам несовершеннолетних (в одних случаях этот судья входил в состав суда, в других — нет).

Во многом такая процессуальная карта объясняется тем, что Женева, Юра, Во и другие франкоязычные кантоны исторически находятся под сильным влиянием французского законодательства, до сих пор сохраняющего укоренившийся с наполеоновских времен институт следственного судьи. Напротив, большинство немецкоязычных кантонов с давних пор испытывают заметное влияние права Германии, где в 1974 году законодатель в ходе большой реформы уголовного процесса полностью отказался как от след-

ственного судьи, так и от предварительного следствия, которое он ранее производил.

Швейцарский законодатель предпринял попытку скомбинировать данные модели: в соответствии с Ювенальным УПК кантоны этой страны могут выбрать любую из этих моделей, однако обязаны предоставить несовершеннолетнему обвиняемому все гарантии, предусмотренные в данном Кодексе.

УДК 343.412.2

Д. Л. Харевич

*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Академии МВД,
кандидат юридических наук, доцент (Беларусь)*

О ПРИЗНАКАХ, РАСКРЫВАЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Способ изложения диспозиции ч. 1 ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) указывает на то, что данное преступление характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, при этом цель является обязательным признаком его субъективной стороны, а содержание цели действий виновного выражается в эксплуатации потерпевшего. При отсутствии указанной цели деяния лица могут квалифицироваться по ст. 171 УК (если лицо извлекает выгоду из действий сексуального характера), ст. 171-1 УК (при вовлечении в занятие проституцией), а при наличии косвенного умысла при незаконном трудоустройстве за границу — по ст. 187 УК [1, с. 23–24, 30–31, 133–134]. Таким образом, отражение в материалах уголовного дела обстоятельств, раскрывающих содержание субъективной стороны действий лиц, посягающих на личную свободу человека, является важной предпосылкой их правильной квалификации. Следует также учитывать, что в большинстве случаев соучастники не реализуют полноструктурный механизм торговли людьми, осуществляя лишь его отдельные компоненты (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение потерпевшего). В этом случае цель эксплуатации может не достигаться в процессе совершения виновным преступного деяния, в связи с чем для его правильной квалификации необходимо учитывать дополнительные факторы. Очевидно, что оценить субъективную сторону преступления как характеристику внутренних психических процессов, охватываемых сознанием и волей лица, можно лишь по внешним признакам и иным обстоятельствам деяния. Какие же внешние признаки преступления и обстоятельства его совершения могут раскрывать содержание умысла лица, совершающего торговлю людьми?

Изучение материалов оперативно-розыскной и следственной практики позволяет утверждать, что об осознании виновным цели эксплуатации свидетельствуют следующие обстоятельства: его осведомленность о наличии сек-